

УДК 130.2

DOI: 10.34670/AR.2025.89.85.007

Социальная активность как феномен культурной динамики: механизмы институционализации

Алексина Дарья Александровна

Заместитель декана,
факультет культуры по воспитательной работе,
преподаватель,
кафедра рекламы и связей с общественностью,
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
192238, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
e-mail: dariaalexina3@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется фундаментальный процесс трансформации социальной активности из ситуативных, инструментальных практик решения конкретных задач в автономный культурный феномен, обладающий собственной логикой развития и смыслопорождения. Основное внимание уделяется комплексному анализу механизмов культурной институционализации, включающих формирование устойчивых символических систем, ритуализацию коллективных действий и конструирование групповых идентичностей. На материале исторической эволюции форм социальной активности от традиционных аграрных обществ через эпоху модерна к современной цифровой реальности выявляется ключевая роль социальных практик в производстве и воспроизводстве культурных смыслов. Результаты исследования демонстрируют способность социальной активности генерировать устойчивые смысловые матрицы, определяющие конфигурацию культурного пространства и формирующие новые ценностные парадигмы. Детально рассмотрены конкретные кейсы институционализации, такие как трансформация движения «Бессмертный полк» и гибридные формы гражданского участия в цифровую эпоху (например, #MeToo, Fridays for Future).

Для цитирования в научных исследованиях

Алексина Д.А. Социальная активность как феномен культурной динамики: механизмы институционализации // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 10А. С. 46-54. DOI: 10.34670/AR.2025.89.85.007

Ключевые слова

Социальная активность, культурная динамика, институционализация, ритуализация, символические системы, коллективная идентичность, историческая трансформация, цифровая среда, гражданские практики, культурные коды.

Введение

Социальная активность, понимаемая как целенаправленная деятельность индивидов и групп по изменению или сохранению социальной реальности, традиционно изучалась в рамках социологии и политологии преимущественно как инструментальный феномен. Фокус исследований смещался на ее эффективность в решении политических задач, мобилизационный потенциал или роль в формировании структур гражданского общества. Однако её растущая роль в преобразовании культуры, утверждении новых ценностей и социальных практик требует принципиально нового осмысления с точки зрения теории культуры. Социальная активность перестает быть лишь средством достижения цели; она сама становится значимым культурным текстом, продуцирующим смыслы и формирующим идентичности. Под культурной институционализацией в этом исследовании подразумевается превращение изначально случайных, ситуативных практик в стабильные, общепризнанные институты. Эти институты характеризуются символическим капиталом, собственной нормативной структурой и умением сохраняться независимо от конкретных обстоятельств, их породивших. [Бурдьё, 2001, с. 52]. Этот процесс подразумевает легитимацию практики в определенном культурном поле и ее превращение в «само собой разумеющийся» компонент социального бытия. Актуальность работы обусловлена наблюдаемым глобальным переходом социальной активности от утилитарных функций решения конкретных локальных или политических задач к статусу автономного культурного феномена, продуцирующего собственные смысловые структуры и активно влияющего на конфигурацию культурного пространства [Polletta, Jasper, 2001, p. 285]. Данное исследование ставит целью выявление исторических траекторий и конкретных социокультурных механизмов указанной трансформации, что представляет значительный теоретический и практический интерес для современной культурологии, социологии и исследований медиа.

Основное содержание

Теоретическое осмысление социальной активности наследует богатые классические традиции. Э. Дюркгейм, анализируя разделение общественного труда, заложил основы понимания коллективного сознания и солидарности как фундаментальных факторов социальной интеграции и изменений, указав на сакральный характер некоторых форм коллективных действий даже в секулярных обществах [Дюркгейм, 1990, с. 92]. М. Вебер, исследуя феномен власти и легитимности, показал роль ценностно-рационального действия и харизмы в мобилизации групп, подчеркнув значение смыслов, которые акторы придают своей деятельности [Вебер, 2018, с. 124]. Позднее, С. Тэрроу [Tarrow, 2015] разработал модели анализа «репертуаров коллективного действия», подчеркивая их историческую обусловленность и связь с политическими возможностями. Современные исследования все больше фокусируются на цифровых формах активности. Работы М. Кастельса исследуют формирование «сетевого общества» и роль коммуникационных технологий в возникновении новых форм коллективной идентичности и протеста, где пространство потоков информации становится ключевой ареной борьбы [Castells, 2015, p. 49]. У. Лэнс Беннетт и А. Сегерберг [Bennett, Segerberg, 2013] предложили концепцию «логики соединительного действия», описывающую, как цифровые медиа персонализируют участие в коллективных действиях, снижая барьеры для координации на основе общих, но индивидуализированных фреймов. Отечественная научная традиция

представлена значимыми исследованиями гражданского общества и общественного участия. Е.С. Шомина глубоко проанализировала специфику низовых инициатив и ассоциаций жителей в российском контексте, выявив их роль в формировании локальных идентичностей и практик самоуправления [Шомина, 2020, с. 119]. Историко-философский анализ концепций активности личности демонстрирует эволюцию понимания активности от античной «маски» до современного феномена самопознания и самореализации, подчеркивая ее имманентный статус в культурной динамике [Алексина, 2024, с. 83]. П. Бурдьё, чья концепция поля, габитуса и символического капитала [Бурдьё, 2001] крайне важна для понимания институционализации, показал, как практики, включая активистские, борются за признание и власть внутри символических пространств, производя и воспроизводя культурные смыслы.

Несмотря на значительные достижения указанных исследовательских направлений, недостаточно изученными остаются именно культурологические аспекты феномена социальной активности. К числу актуальных нерешенных проблем относятся механизмы культурной легитимации различных форм активности, то есть как именно спонтанные или маргинальные практики приобретают символический капитал и признаются в качестве значимого культурного феномена в конкретном обществе, и какие институты (СМИ, искусство) играют ключевую роль в этом процессе. Не менее важны вопросы генезиса и эволюции символических систем движений: как формируются и изменяются визуальные, вербальные и действенные коды движений, каковы закономерности перехода от спонтанной символики к канонизированной, институциональной. Требуется детального изучения трансформация телесных практик под влиянием цифровизации: как изменяется роль физического присутствия, жеста, пространственной организации в коллективных действиях, возникают ли новые формы «цифровой телесности» в протесте или солидарности. Актуальна диалектика глобального и локального в современных движениях: как взаимодействуют универсальные, транслируемые через цифровые платформы культурные коды активности с локальными культурными традициями и спецификой в формировании гибридных практик. Наконец, требуется осмысления роль культурной памяти: как исторический опыт прошлых движений артикулируется, архивируется в цифровой среде и влияет на символику и ритуалы современных инициатив. Указанные лакуны определяют необходимость настоящего исследования, направленного на выявление культурных закономерностей институционализации социальной активности через призму ее исторической эволюции, что особенно значимо в эпоху «цифрового поворота» в социальных науках [Бородкин, 2019, с. 15]. Работа призвана соединить историко-культурный анализ с теорией современных медиа.

Фокусируясь на институционализации как ключевом процессе культурной динамики, настоящая работа выявляет исторические траектории трансформации социальной активности через призму трёх взаимосвязанных аспектов: символизации, ритуализации и формирования коллективных идентичностей. Для анализа применяется сочетание историко-генетического метода, прослеживающего эволюцию форм активности от традиционных обществ к современности; семиотического анализа, исследующего символические системы движений, их кодов и способов производства значения; кейс-стади с глубоким анализом конкретных примеров (Бессмертный полк, #MeToo, Fridays for Future, протесты в Минске, экологический активизм) с точки зрения проявления механизмов институционализации; и дискурс-анализа, рассматривающего репрезентации активности в медиа и саморепрезентаций участников.

В традиционных обществах коллективные действия редко выделялись в автономную сферу; они были органично интегрированы в систему ритуальных, календарных и хозяйственных

практик общины. Сельские сходы или коллективные обряды выполняли двойную функцию. С одной стороны, они решали конкретные утилитарные задачи: распределение повинностей, разрешение споров, организация совместных работ. С другой, они обеспечивали воспроизводство культурного порядка, укрепляли социальную солидарность на основе соседских и родственных связей, транслировали ключевые ценности и нормы сообщества. Как отмечал выдающийся медиевист А.Я. Гуревич, «общинный сход воспроизводил не только социальную иерархию, но и космический порядок, выступая микромоделью мироустройства» [Гуревич, 1984, с. 125]. Сакральный характер таких собраний подчеркивался их привязкой к значимым, часто сакрализованным местам и использованием ритуальных предметов. Социальная активность здесь была неотделима от общего культурно-религиозного контекста и ритма жизни общины. С наступлением эпохи Модерна, урбанизации, индустриализации и формирования национальных государств происходит постепенное выделение социальной активности, особенно протестной и реформистской, в самостоятельную сферу общественной жизни. Наиболее ярко это проявилось в возникновении массовых социальных и политических движений XIX - начала XX века. Рабочее движение, суфражистское движение, национально-освободительные движения не только ставили перед собой конкретные политические и экономические задачи, но и сознательно формировали собственные, автономные культурные коды, отличные от традиционных или государственных. Они создавали альтернативные пространства социализации и смыслопорождения. Суфражистское движение является классическим примером сознательного конструирования сложной символической системы. Белые одежды участниц маршей служили знаком моральной чистоты и опровержением стереотипов о «неприличности» публичной активности женщин. Значки с портретами лидеров движения создавали пантеон героинь и визуальные маркеры принадлежности. Специфическая цветовая гамма стала универсальным языком солидарности. Публичные шествия с пением специально сочиненных гимнов, театрализованные акции превращали политическую борьбу в мощный культурный феномен с сильными элементами театральности и ритуала. Рабочее движение развило свою ритуальную культуру: празднование Первого мая с демонстрациями, использование красного знамени как символа борьбы, создание рабочих клубов и хоров как центров альтернативной культуры и солидарности, формируя мощную коллективную идентичность «пролетариата».

Современная цифровая эпоха характеризуется принципиальной гибридизацией форм социальной активности, стиранием жестких границ между онлайн и офлайн практиками. Цифровые платформы становятся не просто инструментом организации, но и полноправным пространством разворачивания коллективных действий, производства смыслов и формирования идентичностей. Глобальная инициатива #MeToo наглядно демонстрирует процесс гибридной институционализации. Первоначальные онлайн-практики – публикация личных историй с хэштегом #MeToo в социальных сетях – создали виртуальное пространство доверия и солидарности, позволившее артикулировать ранее табуированный опыт. Этот спонтанный поток нарративов быстро трансформировался в структурированное глобальное движение. Ключевым моментом институционализации стало появление офлайн-практик, насыщенных ритуальными элементами: «молчаливые стояния» на площадях создавали мощный символический жест обвинения и поддержки; символическое облачение в черное на церемониях вручения кинопремий превращало гламурные события в арену политического высказывания. Онлайн-нарративы и офлайн-ритуалы взаимно усиливались, создавая новый, гибридный культурный текст борьбы с сексуальным насилием и харассментом. Движение

выработало свои устойчивые символы и ритуалы, получившие глобальное распространение и адаптацию.

Процесс кристаллизации символов в устойчивую систему с высокой степенью легитимности ярко прослеживается на примере движения «Бессмертный полк». Изначально спонтанные атрибуты – Георгиевская ленточка и фотографии предков-участников войны, несомые на шествиях 9 мая, – прошли сложную эволюцию, превратившись в мощные семиотические системы с устойчивой и широко признанной семантикой памяти, семейной преемственности и патриотизма. Анализ визуальных материалов шествий показывает последовательную трансформацию. В период 2012-2014 годов преобладали индивидуальные, часто рукописные портреты на листах бумаги, картоне, самодельных табличках, подчеркивая личную, семейную историю. В 2015-2017 годах наблюдалась стандартизация: широкое распространение получили штендеры с типографским или качественным цифровым изображением лица участника войны, часто с указанием ФИО, звания, наград, формат становился более единообразным. К 2018-2021 годам и далее проявились признаки формализации и коммодификации: появилась корпоративная символика на штендерах, возник рынок сувенирной продукции с символикой «Бессмертного полка», шествие официально регламентировалось. Эта эволюция отражает классический процесс институционализации спонтанной гражданской инициативы памяти в устойчивый, массовый культурный феномен с собственной развитой символической экономикой, официальной поддержкой и высокой степенью легитимации. Ритуализация социальной активности проявляется в разработке устойчивых, повторяемых сценариев публичных акций, где особое значение приобретает пространственная организация, синхронность действий и использование специфических жестов. Яркий пример – протестные движения в Минске в 2020 году, разработавшие уникальный и мощный ритуал «цепей единства». Эти акции представляли собой создание живых коридоров вдоль центральных проспектов и улиц города. Участники выстраивались на определенном, часто символическом расстоянии друг от друга, образуя непрерывную линию на протяжении многих километров. Ключевыми элементами ритуала были строгая пространственная организация вдоль магистралей, физическая дистанция между участниками, подчеркивавшая масштаб и ненасильственный характер, синхронные действия (поднятие рук, демонстрация символов протеста, молчание или пение гимнов), создававшие мощный визуальный образ массовой, но дисциплинированной и мирной солидарности. Подобные ритуалы часто возникали спонтанно, но быстро канонизировались через социальные медиа, фотографии и видео «цепей» мгновенно распространялись, становясь визуальными иконами движения, а сама практика воспроизводилась в последующие дни и в других городах, превращаясь в устойчивый ритуал. Процесс конструирования и закрепления коллективных идентичностей является сердцевиной институционализации социальной активности. В развитии современного экологического активизма это прослеживается особенно четко на примере профессионализации роли «эковолонтера». Эта идентичность включает не только приобретение конкретных практических знаний и навыков, но и усвоение комплекса символических атрибутов и практик, конституирующих групповую принадлежность и отличающих «своих» от «чужих». К ним относятся использование многоразовых эко-сумок, термосов и бутылок, экологичной посуды, ношение одежды из «устойчивых» материалов или с символикой природоохранных организаций; участие в субботниках, отдельный сбор мусора, экономия ресурсов, предпочтение «зеленых» товаров и услуг; использование специфической лексики («осознанное потребление», «углеродный след»), узнавание и распространение экологических

мемов. Итальянский социолог А. Мелуччи справедливо отмечал, что «коллективная идентичность конструируется не декларативно, а именно через ритуальные практики, создающие общее смысловое поле и систему различий» [Melucci, 1996, p. 321]. Совместное участие в акциях создает сильное чувство общности и разделяемых ценностей. В цифровую эпоху этот процесс дополняется и усиливается созданием виртуальных сообществ, где идентичность постоянно подкрепляется и воспроизводится через регулярные онлайн-практики: участие в челленджах, организация онлайн-флешмобов, обсуждение экологических тем. Онлайн-среда позволяет поддерживать идентичность «эковолонтера» постоянно, делая ее устойчивой частью повседневности.

Современные информационно-коммуникационные технологии приводят к кардинальной трансформации структуры и самой сущности социального взаимодействия. Виртуальные петиции, хештег-кампании и онлайн-флешмобы создают принципиально новые формы культурного производства и распространения смыслов. Особенностью цифровых практик является их беспрецедентная способность к мгновенной глобализации и локализации одновременно. Экологическая акция «Fridays for Future» началась в августе 2018 года как одиночный пикет шведской школьницы Греты Тунберг у здания парламента в Стокгольме. Ее действия были зафиксированы и распространены через соцсети. Уже к концу 2018 года практика пятничных «школьных забастовок» была подхвачена учениками по всей Европе, а к весне 2019 года движение приобрело глобальный масштаб. Цифровые платформы позволили не только координировать массовые акции по всему миру в один день, но и создать глобальный пул символов, мгновенно узнаваемых. При этом движение демонстрировало удивительную способность к локализации: в разных странах возникали национальные особенности символики и ритуалов, акцент делался на местных проблемах или традиционных культурных элементах. Цифровые медиа стали пространством для обмена этими локальными практиками и их интеграции в глобальный нарратив движения.

Несмотря на радикальные изменения, вносимые цифровизацией, сохраняется глубокая преемственность с историческими формами социальной активности. Современные протестные движения, даже при их ярко выраженном цифровом характере, продолжают активно использовать ритуальные практики, восходящие к традиционным формам коллективного действия. Шествия и марши остаются ключевой формой демонстрации массовости и солидарности. Публичные собрания и митинги требуют физического со-присутствия для создания атмосферы единства. Символические жесты и облачения продолжают играть важную роль в визуальной коммуникации движения. Цифровые платформы в этой связи приобретают новую функцию – они становятся цифровым архивом, где сохраняются, систематизируются и постоянно реинтерпретируются культурные коды, символы, лозунги и визуальные образы прошлых и настоящих социальных движений. Мемы с изображениями исторических протестов, архивы плакатов, документальные съемки активистских акций служат ресурсом для формирования идентичности и тактик новых поколений активистов, обеспечивая преемственность культурных форм активности и их реактуализацию в новых контекстах.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что социальная активность прошла сложный эволюционный путь от прикладных, ситуативных практик решения конкретных локальных или политических задач до статуса автономного культурного феномена, обладающего развитой символической структурой, внутренней логикой развития и способностью к самовоспроизводству смыслов. Она превратилась в значимый фактор культурной динамики, активно участвующий в производстве новых значений, ценностей и

моделей идентичности. Ключевыми механизмами культурной институционализации активности выступают процессы символизации, то есть формирования устойчивых, легитимных знаковых систем; ритуализации, подразумевающей разработку канонических сценариев коллективных действий с высокой семиотической нагрузкой; и формирования коллективных идентичностей, заключающегося в конструировании «мы»-группы через общие практики, символы и нарративы. Эти механизмы обеспечивают трансформацию спонтанных действий в устойчивые культурные формы, которые прочно встраиваются в социокультурное пространство. Цифровая среда создает принципиально новые, гибридные пространства смыслопорождения, где исторические формы ритуализации и символизации адаптируются к новым технологическим условиям, порождая синтетические практики. Наблюдается диалектическое взаимодействие традиции и инновации: современные движения заимствуют элементы исторических практик, переосмысливая их в цифровом контексте и насыщая новыми смыслами. Исторические формы социальной активности отражают культурные парадигмы соответствующих эпох, сохраняя при этом преемственность базовых функций по производству социальной солидарности и культурных значений.

Заключение

Представленный анализ открывает несколько перспективных направлений для дальнейших изысканий. Во-первых, необходим сравнительный анализ культурных моделей активности в различных цивилизационных и национальных контекстах, выявляющий универсальные закономерности и культурно-специфические особенности в формировании и восприятии символов, ритуалов и идентичностей в социальных движениях. Во-вторых, требует детального изучения влияние алгоритмических систем платформ социальных медиа и технологий искусственного интеллекта на формирование коллективных действий и культурных кодов активности, особенно в части скрытого управления вниманием участников, фильтрации информации, моделирования поведенческих сценариев и потенциальной манипуляции символическим капиталом движений. В-третьих, важен углубленный анализ телесных практик в гибридных формах социальной активности, учитывающий трансформацию физического присутствия, жеста, тактильности, пространственного расположения тел в протесте в условиях цифровой опосредованности и появление новых форм «цифровой телесности». В-четвертых, значительный научный интерес представляет исследование взаимосвязи культурной памяти и современных форм гражданского участия, в частности, того, как исторический опыт прошлых движений артикулируется, архивируется в цифровой среде и влияет на символику, ритуалы и идентичности современных инициатив, включая механизмы «репаративной памяти» в активизме. В-пятых, проведение глубоких этнографических исследований локальных сообществ как носителей уникальных, часто неформализованных моделей социальной активности позволит выявить альтернативные пути институционализации коллективных практик. В-шестых, критическое изучение «теневых» аспектов цифровой активности представляется крайне важным. В данный комплекс проблем входит феномен токсичных сообществ, их символика и ритуалы сплочения; инструментализация культурных кодов в политических манипуляциях; проблема цифрового неравенства в доступе к средствам культурного производства и институционализации; а также вопросы цифровой усталости и устойчивости гибридных форм активности. Эти направления позволят углубить понимание сложной диалектики социальной активности и культуры в стремительно меняющемся мире.

Библиография

1. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбова [и др.]. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
2. Polletta F., Jasper J.M. Collective Identity and Social Movements // *Annual Review of Sociology*. – 2001. – Vol. 27. – P. 283-305.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
4. Вебер М. Политика как призвание и профессия. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 288 с.
5. Tarrow S. Contentious Politics. 2nd ed. — New York: Oxford University Press, 2015. — 268 p.
6. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. 2nd ed. – Cambridge: Polity Press, 2015. – 326 p.
7. Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. — Cambridge: Cambridge University Press, 2013. — 254 p.
8. Шомина, Е. С. Самоорганизация жителей в сельских поселениях - взгляд сквозь розовые очки / Е. С. Шомина // Социологическая наука и социальная практика. – 2020. – Т. 8, № 2(30). – С. 114-132.
9. Алексина Д.А. Имманентный статус активности личности в динамике культуры // Культура и цивилизация. – 2024. – Т. 14. – № 11А. – С. 81-88.
10. Бородкин Л.И. Историк и Мир (Больших) Данных: Вызовы Цифрового Поворота // Историческая Информатика. 2019. № 3. С. 14 - 30.
11. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
12. Melucci A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 441 p.

Social Activity as a Phenomenon of Cultural Dynamics: Mechanisms of Institutionalization

Dar'ya A. Aleksina

Vice Dean,
Faculty of Culture for Educational Work,
Lecturer,
Department of Advertising and Public Relations,
Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions,
192238, 15 Fuchika str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: dariaalexina3@gmail.com

Abstract

The article investigates the fundamental process of transforming social activity from situational, instrumental practices for solving specific tasks into an autonomous cultural phenomenon possessing its own logic of development and meaning generation. Main attention is paid to the comprehensive analysis of mechanisms of cultural institutionalization, including the formation of stable symbolic systems, ritualization of collective actions, and construction of group identities. Based on the material of historical evolution of social activity forms from traditional agrarian societies through the modern era to contemporary digital reality, the key role of social practices in the production and reproduction of cultural meanings is revealed. The research results demonstrate the ability of social activity to generate stable meaning matrices that determine the configuration of cultural space and form new value paradigms. Specific cases of institutionalization are examined in detail, such as the transformation of the "Immortal Regiment" movement and hybrid forms of civic participation in the digital era (for example, #MeToo, Fridays for Future).

For citation

Aleksina D.A. (2025) Sotsial'naya aktivnost' kak fenomen kul'turnoy dinamiki: mekhanizmy institutsionalizatsii [Social Activity as a Phenomenon of Cultural Dynamics: Mechanisms of Institutionalization]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (10A), pp. 46-54. DOI: 10.34670/AR.2025.89.85.007

Keywords

Social activity, cultural dynamics, institutionalization, ritualization, symbolic systems, collective identity, historical transformation, digital environment, civic practices, cultural codes.

References

1. Bourdieu P. Prakticheskii smysl [Practical Sense] / transl. from Fr. by A.T. Bibkov [et al.]. – St. Petersburg: Aleteia, 2001. – 562 p.
2. Polletta F., Jasper J.M. Collective Identity and Social Movements // Annual Review of Sociology. – 2001. – Vol. 27. – P. 283-305.
3. Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii [The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method]. – Moscow: Nauka, 1990. – 575 p.
4. Weber M. Politika kak prizvanie i professiia [Politics as a Vocation and Profession]. – Moscow: RIPOL klassik, 2018. – 288 p.
5. Tarrow S. Contentious Politics. 2nd ed. — New York: Oxford University Press, 2015. — 268 p.
6. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. 2nd ed. – Cambridge: Polity Press, 2015. – 326 p.
7. Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. — Cambridge: Cambridge University Press, 2013. — 254 p.
8. Shomina, E.S. Samoorganizatsiia zhitelei v sel'skikh poseleniiakh - vzgliad skvoz' rozovye ochki [Self-Organization of Residents in Rural Settlements - A View Through Rose-Colored Glasses] / E.S. Shomina // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [Sociological Science and Social Practice]. – 2020. – Vol. 8, No. 2(30). – P. 114-132.
9. Aleksina D.A. Immanennyi status aktivnosti lichnosti v dinamike kul'tury [The Immanent Status of Personality Activity in the Dynamics of Culture] // Kul'tura i tsivilizatsiia [Culture and Civilization]. – 2024. – Vol. 14. – № 11A. – P. 81-88.
10. Borodkin L.I. Istorik i Mir (Bol'shikh) Danykh: Vyzovy Tsifrovogo Povorota [The Historian and the World of (Big) Data: Challenges of the Digital Turn] // Istoricheskaya Informatika [Historical Informatics]. – 2019. – № 3. – P. 14-30.
11. Gurevich A.Ia. Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of Medieval Culture]. 2nd ed., rev. and suppl. – Moscow: Iskusstvo, 1984. – 350 p.
12. Melucci A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 441 p.